

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цсна любви
Дом, в котором нст тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Роза прерий
Сопротивленис бесполезно

◎◎◎

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивная невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки

◎◎◎

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Бездуржная страсть
Провсрка разлукой

БАРБАРА КАРТЛЕНД

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.111.31
ББК 84(4Вел)-44
К 27

Barbara Cartland
THE BITTER WINDS OF LOVE

© Barbara Cartland, 1976

Перевод с английского *Ю. Бушуевой*
Художественное оформление *С. Власова*

Картленд, Барбара.

К 27 Египетские ночи / Барбара Картленд ; [пер. с англ. Ю.А. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 256 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-78529-2

Лидия уже смирилась с тем, что ей не суждено познать любовь. Но чувство — глубокое и ошеломляющее — внезапно настигло ее. Лишь одна преграда отделяет молодую женщину от счастья — ее возлюбленный женат. Отправляясь в далекий таинственный Каир, Лидия не подозревает, что именно там найдет свою судьбу.

УДК 821.111.31
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуева Ю., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78529-2

*Когда мы встречаем свою любовь,
страх, который таится в каждом сердце,
обрушивается на нас, словно
обжигающий ветер.*

Глава 1

1938 год

Лидия Брайант положила на рычаг телефонную трубку и застыла на месте.

Было уже далеко за полдень, и в узком, похожем на колодец холле уже становилось темно-вато. Свет проникал лишь через стеклянную крышу. За забрызганным каплями дождя стеклом, наполняя комнату загробным полумраком, нависло хмурое небо. Казалось, Лидия навеки погребена в этом мрачном, безмолвном доме, к которому давно уже питала неприязнь, граничащую с ненавистью.

Лидия погрузилась было в грустные раздумья, но тут ей неожиданно пришло в голову: боже, ведь она наконец свободна!

Она все никак не могла этого осознать, поверить в известие, которое только что сухо, по-солдатски прямо сообщил ее деверь.

— Сегодня утром Дональд умер, — отчеканил тот в телефонную трубку. — Организацию похорон беру на себя. Они состоятся в пятницу. Подробности сообщу позднее.

Дональд умер!

Если быть до конца честной с самой собой, не кривить душой, следует признать: она уже давно этого ждала. И все же теперь, когда этот миг настал, она могла вспомнить мужа лишь в тот день, когда впервые увидела его почти семь лет тому назад — высокий, подтянутый, он смотрел на нее с высоты своего не-малого роста.

«Какой красавец!» — подумала Лидия в первые секунды знакомства, когда их представили друг другу и Дональд задержал ее руку в своей чуть дольше положенного приличиями.

Период ухаживания был недолгим. Всего через два месяца после их первой встречи Лидия уже шла к алтарю в маленькой, сложенной из серого камня деревенской церкви. Так она стала женой Дональда Брайанта. И сейчас она вспоминала первые недели их супружеской жизни — вернее, они промелькнули перед ее мысленным взором как череда счастливых мгновений. Вот Дональд плывет рядом с ней в лазурных водах Средиземного моря. Вот они загорают на нагретых жарким солнцем камнях. Смеются над ее неловкими попытками освоить катание на акваплане. Вот он обнимает ее — властно и страстно, как требовательный любовник.

Она любила его, однако к ее чувству всегда примешивался привкус страха, причем не

только из-за разницы в возрасте, как считали ее подруги, — семнадцать лет — разница существенная, — но и потому, что в нем было нечто такое, что заставляло ее съезживаться, отстраняться от мужа — даже в самые интимные и страстные мгновения.

В том, что касалось физической близости, любая девушка сочла бы Дональда чересчур страстным, если не сказать необузданным.

Едва миновали первые сладостные дни медового месяца, Лидия поняла, что, хотя она действительно любит мужа, во многом Дональд по-прежнему остается для нее чужим, человеком, которого она скорее боится, нежели понимает.

В его поведении с самого начала было немало странностей, вспоминала она теперь, но лишь со временем дали о себе знать приступы головной боли.

Постепенно они делались все сильнее, за ними следовали периоды раздражительности, упадка духа и беспричинных придирок к жене, и в конце концов Дональд изменился до неузнаваемости. В нем почти не осталось ничего человеческого. Он превратился в чудовище, при виде которого ей от ужаса хотелось сжаться в комочек и забиться в самый дальний угол, лишь бы не попадаться ему на глаза...

Медленно, словно пробуждаясь от ночного кошмара, который все еще владел ею, Лидия

прошла через холл и открыла дверь, ведущую в гостиную.

Шторы не были задернуты и не скрывали от глаз унылый, дождливый пейзаж, однако в камине, наполняя комнату теплым, приветливым светом, ярко пылал огонь.

Казалось, она снова слышит мягкий голос доктора, сообщающий ей вердикт, вынесенный лондонским светилом после долгого и тщательного обследования.

— Ваш супруг получил на войне легкое ранение, миссис Брайант, — сказал тогда врач. — Оно показалось хирургам столь незначительным, что его решили не отправлять в тыл, а сочли возможным лечить в полевом госпитале и даже признали годным к дальнейшей службе. Но осколок шрапнели сместил небольшую кость, и это стало причиной нынешних осложнений.

Заметив, как потухла надежда на побелевшем лице Лидии, врач добавил:

— Простите, но уже ничего сделать невозможно.

Вряд ли доктор тогда понимал, что приговаривает молодую женщину к жизни, полной страданий. Дональд не единожды погружался в безумие, и Лидии оставалось лишь терпеть эти страшные муки.

Ее терзал кошмар ожидания, при каждом расставании она мучительно пыталась пред-

ставить — каким он будет, когда они встретятся вновь.

Иногда на три-четыре недели к ней возвращался прежний Дональд — обаятельный, тактичный, — но затем первые признаки безумия, вызывавшие у Лидии нешуточные опасения, вновь давали о себе знать. Дрожащие пальцы, чрезмерное возбуждение, яростные перебранки с прислугой, нелепые подозрения насчет соседей и всех, с кем ему приходилось общаться.

Весь день напролет Лидия жила в постоянном напряжении и страхе и часто уединялась у себя в комнате, вознося молитвы Всевышнему:

— Господи, сделай так, чтобы все прошло — раз и навсегда. Не допусти, чтобы ему стало хуже!

Увы, периоды спокойствия вновь сменялись бурей. Сердитый голос, повышенный тон, грубость, насилие и как следствие — раскаяние и слезы. Год проходил за годом, и в душе Лидии росла неприязнь, которая позднее выродилась в ненависть — особенно к неприятным сценам раскаяния.

Было нечто унижительное в манере Дональда, кающегося в своих прегрешениях. Порой синяки казались Лидии предпочтительнее поцелуев, которыми муж словно пытался уничтожить следы недавнего рукоприкладства.

Лидия все сильнее ощущала, как в ней едва ли не с каждым днем нарастает отчужденность, как она все больше и больше отдаляется от Дональда. В конечном счете ей стало ясно: как ни пытайся она убаюкивать себя ложью, на смену безразличию пришла ненависть. Господи, на сколько ей хватит сил и терпения и дальше жить рядом с ним? Ведь рано или поздно страдания наверняка перейдут меру, и тогда помощь понадобится ей самой. На ее счастье, судьба избавила Лидию от подобного унижения.

Во время очередного припадка безумия — из тех, когда Дональд становился неуправляемым и уже не отвечал за свои действия, — он тяжело покалечил одного из работников. После этого случая его увезли в частную психиатрическую клинику.

Сначала Лидия навещала больного супруга — его семья ожидала от нее соблюдения приличий. Раз в месяц она отправлялась на машине туда, где на высоком холме, с которого открывался вид на всю долину, стояла клиника, где практически в полной изоляции от окружающего мира теперь обитал Дональд.

Обычно, подъезжая к огромному уродливо-му особняку красного кирпича, Лидия ловила себя на том, что сбрасывает скорость, стараясь как можно больше оттянуть момент встречи с мужем.

Она боялась этих встреч, а дни, когда к Дональду почти возвращался разум, ненавидела даже больше, чем те, когда он едва узнавал ее, и ей начинало казаться, что она не имеет к этому человеку никакого отношения. Неужели она когда-то была за ним замужем? Неужели когда-то она любила его?

Но со временем ее визиты начали отрицательно сказываться на нем.

— К сожалению, ему становится только хуже после ваших приездов, — пожаловались ей сиделки.

Наконец ее попросили больше не приезжать в клинику.

Лидии некому было признаться, как она рада, что избавлена теперь от необходимости навещать мужа. Самыми близкими родственниками Дональда были его старший брат с женой.

Они никогда не одобряли этот брак, и хотя и считали своим долгом поддерживать отношения с невесткой, между ними не было ни искренности, ни признаков дружелюбия, ни капли человеческого тепла.

Брат Дональда, полковник Брайант, ежеквартально присылал Лидии чек на небольшую сумму, всякий раз сопровождая посылку просьбой придерживаться строгой экономии.

Когда же он взял в свои руки бразды правления в доме и поместье, Лидия была благодарна ему и даже пыталась оплачивать свои текущие расходы из собственных скромных средств, тех денег, что достались ей в наследство после смерти родителей.

Осиротевшую в шестнадцать лет Лидию воспитал брат матери, настоятель небольшой церкви в Шропшире.

Он умер через два года после ее свадьбы, и с его кончиной она оказалась одна, без родственников, если не считать нескольких троюродных сестер, которые были слишком заняты собственной жизнью, чтобы интересоваться ее делами.

Лишь одному человеку Лидия писала письма — Эвелин Маршалл, подруге матери. Ответные письма всегда были полны глубокой любви и здравого смысла и помогали ей справляться с тяготами ее нынешнего существования.

Миссис Маршалл также присылала ей книги. В годы тоскливого одиночества они стали для Лидии верными спутниками и друзьями, скрашивавшими ей жизнь.

Окруженная людьми, созданными исключительно ее воображением, она жила иллюзиями — ела, спала и читала, проворно передвигалась по безмолвному дому, в котором

когда-то провела несколько счастливых лет, будучи молодой женой.

Кто мог предвидеть, что Дональд когда-нибудь станет таким, каким она видела его в последний раз? Тогда перед ней был — нет, не человек, а животное. Вернее, дикий зверь, который в припадке безумия, рыча, пытался растерзать ее своими сильными руками.

В камине громко стрельнул уголек. От неожиданности Лидия вздрогнула, затем встала, пригладила волосы и включила свет.

Взгляд ее упал на висевшее над камином зеркало, и она увидела в нем собственное отражение — темно-синие глаза, темные волосы, зачесанные назад, открытый высокий лоб.

«Мне уже двадцать семь, — подумала она. — Двадцать семь! И вот придется начинать жизнь заново».

Неожиданно со скрипом открылась дверь. Лидия резко обернулась, будто устыдившись того, что кто-то мог увидеть, что она разглядывает себя в зеркале. Но нет, это всего лишь слуга принес чай.

Какое-то время Лидия наблюдала за тем, как он ставит на стол серебряный чайник и тарелки с сэндвичами и пирожными, к которым она редко притрагивалась, и вдруг неожиданно для себя сказала:

— Я получила известие от полковника Брайанта, Маршэм.

Эти слова вырвались совершенно случайно, против ее воли, и она тут же умолкла, как будто у нее перехватило в горле. Однако Маршэм проявил должное понимание.

— Известие о хозяине, мадам? — участливо спросил он, глядя ей в глаза.

Лидия кивнула.

— Когда полковник в последний раз был здесь, он сказал, что брат плох. Я ожидал этого, мадам.

Слуга глубоко вздохнул, и Лидия поняла: с его стороны это был самый корректный и общепринятый способ выразить соболезнования. Внезапно она почувствовала, что теряет над собой власть.

В следующее мгновение Лидия с криком развернулась и бросилась вон из комнаты. Она взбежала вверх по лестнице, скорее нащупывая, чем видя перед собой ступеньки, и, влетев в спальню, сильно, со стуком захлопнула за собой дверь. Чувствуя, как по щекам струятся слезы, а тело сотрясают рыдания, она бросилась на постель. Но, даже горько рыдая, даже понимая, что теряет контроль над собой, Лидия отдавала себе отчет в том, что плачет скорее от облегчения, чем от горя.

— Я свободна, — повторяла она сквозь рвущиеся из горла рыдания. — Я свободна!

И от звука собственного голоса ей становилось стыдно.

Глава 2

Сидя в вагоне поезда, который шел до Вустера, Лидия смотрела в окно.

Она совершенно не представляла себе, что ждет ее в будущем. Знала лишь, что все ближе и ближе подъезжает к дому Эвелин Маршалл, чувствовала, что с каждой минутой в ней возрождается прежняя надежда на лучшее, возвращается былая энергия.

Казалось, тяжелый груз, так давивший ей на плечи, куда-то исчез, свинцовые тучи тоски и одиночества окончательно рассеялись. Впервые за много лет она почувствовала себя молодой и готовой радоваться жизни.

В ответ на письмо Лидии, в котором та сообщила, что наконец обрела свободу, Эвелин прислала неожиданную и лаконичную телеграмму.

Жду. Приезжай как можно скорее. Сообщи дату приезда. С любовью, Эвелин.

«Это абсолютно в духе Эвелин», — подумала Лидия, читая телеграмму, и невольно улыбнулась.

Эвелин Маршалл всегда принимала решения быстро, но взвешенно, и они не предполагали ни отказа, ни сомнений.

Как и все остальные знакомые Эвелин, Лидия была готова, не испытывая угрызений